

УДК 811. 512. 145'367. 633

ИММИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСЛЕЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Алиева В. Н.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

Статья посвящена рассмотрению объема, особенностей функционирования крымскотатарских послелогов.

Ключевые слова: иммиграционный потенциал, диахронная трансформация, функциональный омоним, послелог.

Постановка проблемы. При изучении особенностей исторического развития тюркских языков большой интерес у лингвистов вызывают служебные слова, среди которых послелогои используются для связи слов в предложении, в словосочетании и для конкретизации основного компонента, с которым они сочетаются.

Послелогои занимают своего рода промежуточное положение между знаменательными словами и аффиксальными морфемами. Отметим, что некоторые из них по своим синтаксическим признакам максимально приближены к падежным аффиксам, тем самым увеличивая число «агглютинативных прилеп», а значит, укрепляя агглютинативный строй языка.

Н. К. Дмитриев, описывая развитие послелоговых аффиксов из знаменательных слов, отмечает несколько фаз морфологического развития. Последняя фаза – образование грамматических аффиксов с отсутствием стабильного звукового состава и зависимостью от корня или основы [3, 50 – 53].

Тем не менее, из этого не следует, что данный разряд служебных слов неустойчив. Большинство послелогов, например крымскотатарского языка, сохраняются на протяжении веков и не изменяют свой грамматический статус. Источником пополнения вышеназванной группы являются в основном обособившиеся падежные формы имени и деепричастий.

Цель данного исследования – выявление иммиграционного потенциала крымскотатарских послелогов. Для реализации этой цели необходимо решить ряд конкретных задач:

- 1) описать возможные случаи пополнения послелогов за счёт знаменательных слов;
- 2) выявить семантическую специфику данных послелогов;
- 3) определить особенности их функционирования.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе обобщается теоретический и практический объём данных, полученных в процессе комплексного изучения функциональных омонимов в крымскотатарском языке.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что полученные данные могут служить основой для определения места и роли изучаемых конструкций в системе предложений.

Основные выводы и положения работы имеют прикладное значение для лиц, изучающих крымскотатарский язык как иностранный.

Анализ и классификация крымскотатарских послелогов – довольно сложный вопрос. При систематизации имеющегося материала мы опирались на труды В. В. Виноградова, Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, Ф. Р. Зейналова, Т. М. Тошакковой, А. М. Меметова и др. в области морфологии.

В настоящей работе переход слова из одной части речи в другую рассматривается как диахронный трансформационный процесс, в результате которого исходная часть речи приобретает комплекс дифференциальных признаков новой части речи, вступая с ним в отношения омонимии.

В зависимости от направленности диахронная трансформация может быть иммиграционной и эмиграционной. Иммиграционная трансформация – это пополнение какой-либо части речи за счёт перехода слов из других частей речи [7].

Переходя в другую часть речи, слово приобретает новые лексико-грамматические характеристики, но его лексическое значение – самостоятельно. Вероятно, в этом случае можно говорить о первичном лексическом значении слова, его расширении, изменении, но не о том, что у исходного слова оно основное, а у трансформанта – дополнительное. Для примера рассмотрим так называемые служебные имена – их первоначально конкретное значение связано с обозначением частей тела и органов человека.

Подобные имена явились отправной точкой для пространственной ориентации в крымскотатарском языке. Например, чтобы сообщить о местонахождении предмета за чем-либо, используется имя существительное *аркъя* «спина» с добавлением направительных аффиксов «да», «дан» - *аркъясында*, что дословно означает «за спиной».

Очень важен вопрос о том, какое место занимает трансформация в развитии разрядов слов. Пополнение лексического состава современного крымскотатарского языка происходит путём словообразования или перехода слов из одной части речи в другую.

Удельный вес лексики, образовавшейся в результате субстантивации, адъективации и других трансформационных процессов, достаточно велик. Более того, учёными уже доказано, что служебные слова образовались и образуются путём трансформации знаменательных слов. Такой точки зрения придерживаются В. Н. Мигирин, Н. А. Каламова, В. Бондаренко и др. [6, 135; 5, 52; 2, 4].

Послелогом могли образоваться не от каждого знаменательного слова: прежде всего это были слова, имеющие сравнительно широкое значение, в семантике которых уже была заложена релятивность; часть послелогов, как было отмечено выше, возникла из слов со значением названия человеческого тела, его одежды и повседневной деятельности [1, 9].

Послелогом употребляются после управляемых ими слов и служат для выражения объектно-субъектных и определительно-обстоятельственных отношений. В па-

мятников древнетюркской письменности уже обнаруживается дифференциация данных связей. Как отмечают тюркологи, в древних памятниках в часть Тоньюкука, к примеру, используются сочетания с многозначным послелогом *üzä* [5, 66].

Исходя из генетических, морфологических, а также синтаксических особенностей функционирования послелогов в крымскотатарском языке, мы выделяем три разряда: 1. собственно послелогов (послелог древнего происхождения); 2. отымённые послелогов; 3. отглагольные послелогов.

Собственно послелогов характеризуются потерей реальной семантики, их происхождение трудно определить. Данная группа слов используется в языке с древних времён, совмещает самые различные значения, которые раскрываются в составе словосочетаний. Эти послелогов по сути относятся к формально-грамматическим элементам, максимально приближенным к падежным аффиксам.

В крымскотатарском языке к собственно послелогам относятся следующие: *таба*; *бери* / *берли*; *киби*; *отрю*.

Послелог *иле-ле/-нен* – «с», посредством, «вместе с» считаются общетюркским. Этимологию послелогов тюркологи возводят к слову *бирле//бирлен//илен//иле//нен* [7, 258]. Существует другая точка зрения, согласно которой *бирле* и *иле* разного происхождения и образованы от разных глаголов [см: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология, 1988. – С. 496 – 497, где имеется обзор этимологии этого послелогов].

Как считают тюркологи, вышеуказанный послелог во многих языках преобразовался в аффикс [9, 57 – 58].

В крымскотатарском языке этот послелог выделяется своей многозначностью, а потому его употребление во многом обусловлено значением и грамматической формой глагола.

По нашему мнению, в крымскотатарском языке нет особых различий в употреблении вариантов *иле-ле/-нен*. Данный послелог управляет основным падежом имени и родительным падежом местоимений (кроме 3 лица множественного числа личных местоимений и множественного числа указательных местоимений). При его помощи чаще всего передаются отношения совместности, сопроводительности и связанные с ними значения инструментальности.

Послелог *ичюн* «для», «ради», «из-за», «чтобы» в сочетании с именами, местоимениями, отглагольными формами передаёт, в основном, объектные отношения с разными оттенками причинных и целевых значений, различить которые можно только в контексте.

Управление, характерное для этого послелогов, в большинстве тюркских языках единообразное.

Послелог *ичюн* – один из наиболее употребительных в языке, он сочетается почти со всеми именами без ограничений. Это послелог древнейшего происхождения, который в результате элизии иногда теряет начальный звук и пишется слитно с предшествующим словом, подчиняясь законам сингармонизма. В крымскотатарском языке функционируют только две формы послелогов – это *ичюн/чюн* без сингармонических вариантов:

– *языджы ичюн* «для писателя»

– *кырымлыларчюн* «для крымцев»

В крымскотатарском языке распространены сочетания послелого *ичюн* с субстантивными именами действия на –*макъ/-мек* с отглагольными именами, особенно с причастиями.

Расширение сочетаемости послелого *ичюн* с вышеуказанными формами привело к тому, что *ичюн* стал важным связующим звеном сложноподчинённого предложения. Это объясняется не только дальнейшим развитием категории послелого, но и природой глагольного имени, особенно причастия.

Итак, в современном крымскотатарском языке значительно расширилась граница функционирования послелого *ичюн*. Наряду с разными оттенками целевого значения данный послелог передаёт и причинные отношения. Известно, что в русском языке целевые и причинные значения передаются разными предлогами *для* и *за*. Эти функции в крымскотатарском языке совмещает послелог *ичюн*. Значение цели и причины – понятия взаимосвязанные, а потому в языке вполне логично их совмещение в одном послелого.

Отымённые послелого образованы от имён существительных, прилагательных, местоимений и наречий. Таким образом, генетически они связаны с именами и до настоящего времени существуют не только в качестве послелого, но и как знаменательное слово. Это послелого типа *сонъ/сонъра*, *эвель*, *къадар*, *якъын*, *узере/узъре*, *башкъа*, *бою*, *боюнджа*, *бурун*, *акъкъында*.

В этой группе мы рассматриваем и служебные имена. Являясь вторым компонентом изафетного сочетания, в грамматических падежах они имеют именную форму, а в пространственных падежах выступают в служебной функции, являясь по форме существительными, а по значению послелогоми. Речь идёт о группе слов типа *алд*, *арт*, *аркъа*, *баш*, *ич* и др. Возникла необычная ситуация: для того чтобы определить местонахождение *кого-чего-либо* стали говорить «о боке», «переде», «животе» предмета (горы, дома, реки и др.). Эта группа дополняется словами со значением конца. меры. предела, повода.

Со временем локальные значения в некоторых из них дополнились темпоральными: например, слово *алд* означает *перед* (местонахождение); в настоящее время в крымскотатарском языке, кроме этого значения, данное слово приобрело способность выражать временные отношения (*раньше*, за... до); ср.: *эвининъ ичинде* – в доме; *бир йыл ичинде* – за год.

Отметим, что использование новой лексической единицы в целом не затрагивает существования исходной лексемы, которая в большинстве случаев продолжает употребляться в языке параллельно трансформанту.

Образование послелогов следующего разряда – отглагольного происхождения – приблизительно такое же, как и у отымённых послелогов. Однако выбор семантических признаков несколько иной: это отбор слов, в которых заложена возможность развития значений направления, цели, причины.

Кроме того, отымённые послелого управляют основным и родительным падежами, а отглагольные послелого – винительным, дательным и исходным.

Тем не менее, чёткой границы между именными и глагольными послелогоми нет вследствие того, что глагольные формы восходят к именам действия и так или иначе проявляют признаки грамматической природы [9, 54 – 55].

Отглагольные послелогои представляют собой застывшие формы деепричастий, которые восходят к глаголам, широко употребляемым в современных тюркских языках. В крымскотатарском языке это: *коре, къарап, айткъанда, къарагъанда, къарамаздан, бакъмаздан, бакъып, бакъкъанда, къаршы, догъру, отъркую, даир*.

Основное отличие собственно послелогов древнего происхождения от других в том, что первые выступают только в функции служебного слова, тогда как отымённые и отглагольные послелогои сосуществуют наряду со знаменательными словами (лексико-грамматические омонимы).

В крымскотатарском языке наблюдается процесс пополнения состава послелогов – служебных имён. Они образуются преимущественно от имён существительных: *эсасында* (на основании, на основе), *негизинде* (на основе), *девамында* (в продолжение), *меселесинда* (в отношении) и др. Это связано с необходимостью выражения в языке дифференцированных логико-грамматических отношений. Речевая свобода говорящего в выборе послелогоа осуществляется в пространстве с координатами, задаваемыми целями общения, экстралингвистическим фоном.

Выводы и перспектива. Исследование послелогов и служебных имён важно не только для понимания механизмов языка лексикографической практики, но и для выявления участия человека в процессе словотворчества, что позволит внести определённый вклад в изучение мышления и менталитета народа.

Литература

1. Базарова Д. Х. Семантика наименований частей тела и производных от них в тюркских языках: автореф. дис... канд. филол. наук / Д. Х. Базарова. – Ташкент, 1967. – 217с.
2. Бондаренко В. Предлоги в современном русском языке / В. Бондаренко. – М. : Учпедгиз, 1961. – 76 с.
3. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка / Н. К. Дмитриев. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 206 с.
4. Ибрагимов М. С. К вопросу о развитии синтаксических синонимов / М. С. Ибрагимов // Исследования по татарскому языку. – Казань : Изд-во Казанского гоун-та, 1977. – С. 64 – 74.
5. Каламова Н. А. К вопросу о переходности одних частей речи в другие / Н. А. Каламова // Русский язык в школе. – 1961. – С.52 – 59.
6. Мигирин В. Н. Язык как система категорий отображения / В. Н. Мигирин. – Кишинёв : Штиинца, 1973. – 273 с.
7. Севортян Э. В. Тюркские языки. – Т. 2 / Э. В. Севортян // Языки народов СССР. – В 5 –ти т. – М. : Наука, 1966. – С. 234 – 259.
8. Сидоренко Е. Н. Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминантов. Учеб. пособие / Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко. – Симферополь: СГУ, 1993. – 94 с.
9. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: наречие, служебные части речи, образительные слова / А. М. Щербак. – М.: Наука, 1987. – С. 50 – 92.

Алієва В. М. Імміграційний потенціал післялогів в сучасній кримськотатарській мові / В. М. Алієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 53-58.

Стаття присвячена розгляду обсягу, особливостей функціонування кримськотатарських післялогів.

Ключові слова: імміграційний потенціал, діахронна трансформація, функціональний омонім, післялог.

Aliyeva W. N. Immigration potential postpositions in modern Crimean Tatar language / W. N. Aliyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 53-58.

The article considers the volume of the functioning of the Crimean Tatar postpositions.

Key words: immigration potential, diachronic transformation, functional homonym, postposition.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.